

И. З. СЕРМАН

ЦЕННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ О РАДИЩЕВЕ¹

Книга Г. П. Макогоненко — серьезное, вдумчивое исследование, широко документированное и в общем свободное от предвзятых точек зрения. Автору действительно удалось показать Радищева вместе с его временем, его умение стать в просвещении наравне с веком.

Радищев в изображении Г. П. Макогоненко — это мыслитель и писатель, смелые мечтания которого были выводом из самого трезвого и реалистического изучения русской народной жизни.

Широта привлеченного материала, смелость постановки спорных вопросов, основательность фактической стороны — все это делает книгу Г. П. Макогоненко ценным вкладом в нашу историко-литературную науку.

Г. П. Макогоненко свое исследование о Радищеве повел по трем направлениям. Во-первых, он занялся научно-документальной разработкой важных и совершенно не освещенных в научной литературе эпизодов биографии Радищева; во-вторых, он прослеживает связи радищевского творчества с русским просветительством XVIII века и, в-третьих, исследует идейно-творческое новаторство Радищева, его стиль, его художественную практику, а не только идеи, как часто бывало в прежних работах Г. П. Макогоненко.

К «белым пятнам» радищевской биографии, указывает автор, относятся годы ученья в Лейпциге (1767—1771), первый период службы Радищева в России (1772—1775), а также, хотя и в меньшей степени, служба Радищева в Комиссии по составлению законов (1801—1802).

¹ Г. П. Макогоненко. Радищев и его время. Гослитиздат, М.—Л., 1956, 770 стр. (В дальнейшем все ссылки на это издание даются в тексте).

В первой главе (стр. 31—52) автор дает совершенно новое документальное освещение студенческой жизни Радищева. Мы впервые узнаем о действительном характере и настоящих целях студенческого бунта, поднятого Радищевым и его друзьями против их «воспитателя» майора Бокума. До сих пор об этом важном событии в жизни Радищева было известно только из его книги «Житие Ф. В. Ушакова»; причиной бунта называлось грубое обращение Бокума со студентами, притеснения и т. д. Документы Лейпцигского университета, приводимые Г. П. Макогоненко («Дело по поводу некоторых порицаемых непристойностей обучающихся здесь молодых русских дворян со всем, что до этого касается»), позволяют установить действительную причину студенческого «бунта». Ушаков, Радищев и их товарищи не хотели слушать курс лекций профессора Беме, реакционера и прислужника властей; их привлекали лекции профессора Шмидта, излагавшего идеи французских просветителей — Мабли и др. И — что особенно существенно в разысканиях Г. П. Макогоненко — студенты победили: добились права слушать те лекции, которые были для них интересны и нужны, добились права самим строить себе всю программу.

Во второй главе (стр. 129—141, 180—190) Г. П. Макогоненко ликвидирует еще одно «белое пятно» биографии Радищева. Основываясь на документальном материале, он с исчерпывающей полнотой рассказывает о службе Радищева в первом департаменте Сената (1771—1773) и в штабе Финляндской дивизии у Я. А. Брюса (1773—1775), попутно разрушая одну из ходячих легенд о Радищеве, который будто бы по возвращении из Лейпцига 6 лет безуспешно искал себе службу! По документам Сената и штаба Финляндской дивизии Г. П. Макогоненко устанавливает, какие судебные и следственные дела проходили через руки Радищева, по каким делам ему как обер-аудитору (военному прокурору) штаба Финляндской дивизии приходилось делать свои заключения и предлагать решения военному дивизионному суду. Г. П. Макогоненко очень убедительно на основе ряда изученных им дел (знакомство с которыми Радищева неоспоримо) доказывает, что служебные дела буквально обрушили на Радищева огромное количество человеческих судеб, сделали его вершителем жизней сотни солдат и обнажили перед ним всю жестокость и классовую несправедливость юстиции дворянского государства.

В седьмой главе (стр. 611—628) Г. П. Макогоненко по-новому освещает общественную деятельность Радищева после возвращения из ссылки (1801—1802). Он доказывает, что законодательные проекты Радищева не имели никакого отношения

к его службе в Комиссии по составлению законов, так как и сама Комиссия никаких законов не составляла! Г. П. Макогоненко считает, что так называемые «законодательные» проекты Радищева были адресованы не царю Александру I, а передовой дворянской интеллигенции, среди которой Радищев рассчитывал найти единомышленников в борьбе за свою программу-минимум, включавшую (как это видно из его законодательных проектов) равенство всех сословий перед законом, создание нового и справедливого законодательства, отмену телесных наказаний.

Каждое обращение исследователя к чисто биографическому материалу, обогащая нас новыми фактами, помогает глубже и полнее понять творчество и общественную деятельность Радищева. По-новому показаны связи Радищева с литературой и общественной мыслью второй половины XVIII века. Верная мысль о том, что Радищев по приезде в Россию застал сложившееся просветительское движение в литературе, солидно обоснована Г. П. Макогоненко. Здесь выделяется мастерством литературного анализа и свежестью материала раздел о «Письмовнике» (1769) Курганова (стр. 97—115). В этой незаслуженно забытой нашей наукой книге, необычайно популярной в течение всего XVIII века, Г. П. Макогоненко установил систему подбора материала, показал глубокий для своего времени демократизм автора, сознательность его ориентировки на фольклор.

В третьей главе автор характеризует развитие русской просветительской мысли и литературы в 1780-е годы, т. е. после восстания Пугачева. Наряду с деятельностью Новикова и Фонвизина здесь характеризуются Ф. Туманский, молодой Крылов, Ф. Кречетов. В этой главе наибольший интерес представляет анализ публицистических выступлений Фонвизина в «Собеседнике российского слова» (1783), его полемики с Екатериной II и характеристика журналов Ф. Туманского «Зеркало света» и «Лекарство от скуки и забот» (1786—1787). Г. П. Макогоненко убедительно доказывает принадлежность Фонвизину в «Собеседнике любителей российского слова» «Письма к сочинителю „Былей и небылиц“», в отношении которого ранее не высказывалось подобных предположений.

Журналы Ф. Туманского, в сущности, до сих пор никогда не изучались так обстоятельно, как это сделал в своей книге Г. П. Макогоненко (стр. 281—291). Особенно интересно здесь изложение взглядов одного из русских просветителей-популяризаторов, напечатавшего в «Зеркале света» свое вольное изложение книги Гольбаха «Социальная система», а затем издавшего

ее отдельно под названием «Ручная книжка человека и гражданина, или рассуждение о должностях общежития» (СПб., 1805). Этот своеобразный русский мыслитель-материалист подписался инициалами Н. Д.² Анализ его этических взглядов (стр. 291—308) принадлежит к интереснейшим местам книги Г. П. Макогоненко.

В четвертой, пятой и шестой главах автор исследует творчество Радищева 1780—1790-х годов.

Оде «Вольность» Г. П. Макогоненко посвятил четвертую главу (стр. 361—416). В результате превосходного, с большим вкусом и тактом сделанного исследования оды автор приходит к утверждению, что основы стиля русской вольнолюбивой поэзии, поэзии молодого Пушкина и декабристов, были заложены в оде Радищева. Новое понимание «высокого» и «высокости», создание взамен классицистической иерархии жанров и стилей нового соотношения между действительностью и ее поэтическим воплощением, между революционной идеей и словом — таков вывод, к которому приходит Г. П. Макогоненко в результате своего исследования радищевской оды.

Не менее важно для правильного понимания творчества Радищева установление научно обоснованного полного текста оды, так как сам Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву» напечатал «Вольность» в сокращенном виде, пересказав прозой некоторые строфы. Работа, сделанная Г. П. Макогоненко для установления текста оды, наиболее близкого к авторскому, представляется весьма плодотворной и принципиально правильной (частично она изложена в примечаниях к 3-му изданию «Стихотворений» А. Н. Радищева, малая серия «Библиотеки поэта», Изд. «Советский писатель», Л., 1953).

В пятой главе, посвященной в основном «Путешествию из Петербурга в Москву», перед автором стояла большая опасность заняться самоповторением, самопересказом. Оставаясь верным своей идее о литературном образе «путешественника», никак не являющегося автопортретом Радищева, о развивающемся характере героя «Путешествия», Г. П. Макогоненко находит новые доводы, новые точки зрения для доказательства верности своего взгляда.

Очень существенным в системе доказательств Г. П. Макогоненко является сопоставление взглядов других героев «Путешествия» (Крестьянкина, Крестницкого дворянина) со взглядами

² Первым обратил внимание на этого забытого материалиста XVIII века И. К. Лупол.

Новикова и Фонвизина. Это дает возможность Г. П. Макогоненко поставить анализ «Путешествия из Петербурга в Москву» на конкретно-историческую почву, не ограничиваясь только пределами творчества самого Радищева. Поэтому исследование принципов радищевского творчества и их своеобразия ведется Г. П. Макогоненко на основе сопоставления с конкретным материалом русской общественной жизни.

Посмертной судьбе радищевского наследия в литературе 1800-х годов посвящена последняя, восьмая глава. Автор не занимается в ней повторением уже сделанного другими — регистрацией упоминаний о Радищеве, откликов на его произведения и т. д. Его интересует действительное претворение радищевских традиций в литературе 1800—1810-х годов, те живые линии связи, которые, по его мнению, существуют, но не получили должной разработки и правильной оценки в историко-литературной науке. В этой связи Г. П. Макогоненко пересматривает вопрос о группе поэтов начала века (Пнин, Попугаев, Борн и др.), которых, как он считает, необоснованно называют наследниками Радищева, его продолжателями, поэтами-радищевцами. Г. П. Макогоненко серьезно и обстоятельно полемизирует по этому вопросу с В. Н. Орловым (стр. 680—702). Он устанавливает, что, сохраняя верность просветительским идеям, эти поэты не принимали революционных идей Радищева, по многим вопросам с ним расходились и полемизировали (стр. 687, 691, 696—699 и др.) и, что особенно важно для определения их действительного места в литературе эпохи, испытывали серьезное влияние Карамзина и карамзинизма.

Носителями радищевских творческих идей до Пушкина Г. П. Макогоненко считает Крылова-баснописца (с его реалистическим изображением трудового народа), Гнедича (как автора гражданственных стихотворений), Ф. Глинку-прозаика (в «Письмах русского офицера»), Савелия фон Ферельцта (автора «Путешествия критики»). Следование радищевским идеям Г. П. Макогоненко понимает как органическое их претворение в новых общественно-исторических условиях, в связи с новыми требованиями освободительного движения.

Написанная живо и образно, с подлинным литературным блеском, книга Г. П. Макогоненко читается с интересом. У нее есть свой стиль, может быть неровный, но яркий. Можно было бы посоветовать автору избавиться от излишней красоты. Так, мне кажется неуместным почти романский зачин: «На крыльях песни народа мчалась мечта Радищева навстречу будущему» (стр. 490). К счастью, таких промахов стиля в книге немного.

Значит ли, что в исследовании Г. П. Макогоненко все бесспорно?

В шестой главе (на стр. 522—545) автор тщательно аргументирует свой взгляд на Карамзина. И хотя он неоднократно делает оговорки относительно неправильности отождествления Карамзина-политика и Карамзина-художника, но в его собственном изложении политическая позиция Карамзина заслуживает объективное значение его творчества. Г. П. Макогоненко правильно усматривает и в идеологии, и в творчестве Карамзина реакцию на французскую революцию 1789—1793 годов. Однако ведь и немецкая классическая философия была реакцией на французскую революцию, и вся европейская романтика начала века была реакцией на французскую революцию. В этих различных по форме, да и по существу идеологических явлениях отразился поступательный ход исторического развития так же, как в творчестве Карамзина было исторически прогрессивное начало — идея личности, ее ценности, ее непреходящего значения, идея, сохранявшая для России свое прогрессивное значение до революции 1905 года.

Нам кажется, что в вопросе о Карамзине Г. П. Макогоненко не проявил обычно свойственной ему самостоятельности подхода к явлениям литературы. Многое в его трактовке Карамзина напоминает точку зрения, высказанную В. Н. Орловым,³ где Карамзин рассматривается только как идеолог реакции. Г. П. Макогоненко, в других случаях очень убедительно полемизирующий с В. Н. Орловым, в данном вопросе молчаливо присоединился к нему. В итоге — изложение литературных позиций Карамзина получилось тенденциозным и пристрастным. Не следовало бы сопоставлять идеологию Карамзина и художественное творчество Радищева, как это сознательно и бессознательно делает Г. П. Макогоненко. Объективный сравнительный анализ творчества этих двух завершителей русской литературы XVIII века дает все основания для утверждения мысли (от которой так пренебрежительно отмахивается Г. П. Макогоненко) о существовании двух направлений в русском сентиментализме. Может быть, следовало бы в книге о Радищеве больше места и внимания уделить внутренним противоречиям радищевского творчества, о которых сказано бегло (стр. 500). Между тем без понимания этих противоречий мы не сумеем объяснить структуру стиля радищевской прозы, так удручающе действовавшего на Пушкина.

³ В. Н. Орлов. Русские просветители 1790—1800 годов. Гослитиздат, М., 1956.